

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Снег тихо падал Елене на плечи. После проклятия в теле поселился странный холод, и последнее, где она хотела бы находиться, — на улице в мороз. Но больше идти было некуда. Этот мужик отобрал у нее единственное место, которое она могла назвать домом. Он даже поселился в ее комнате с видом на восточное поле. В окне горел свет, как будто насмехаясь над ней, изгнанной из дома, в вонючей украденной одежде.

Какой хитрец! Оставить *Grand-Mère* в доме даже после уплаты всех долгов! Он считался владельцем, но пользовался репутацией ее семьи и всеми благословениями. Смертные мужчины... Что такое живет в их обезьяньем мозгу, что они считают свои идеи главными в мире?

Не надо было, конечно, ругаться на него и убегать. Но что ей теперь оставалось — без дома, без виноградника, без урожая? С пяти лет она была привязана к винограднику Ренар, была ведьмой Шато-Ренар. Она была одним целым с плантацией. Если Шато больше не было, то как вернуть себе ту жизнь, которую Бастьен у нее отобрал?

Елена со слезами оглянулась на дом. Как примириться с мыслью, что этот идиот будет управлять плантацией и портить вино в старых бочках? Он что, правда не чувствует вкус плесе-

ни в каждом глотке этого своего пойла? Допустим, *Grand-Mère* потеряла хватку, но когда все стало настолько плохо? Ну ладно, он не знает, как окуривать бочки серой, но *Grand-Mère*-то знает! Нет, что-то тут не вяжется. Дело не только в бочках. Ягоды тоже испорченные. На языке до сих пор оставался этот плесневелый вкус.

Но теперь проблемы виноградника — это чужие проблемы.

Не в силах больше смотреть в эту безнадежную бездну будущего, она обратилась к тому, что помогало всегда. К интуиции. Она прошла вдоль посадок и положила руку на один из самых старых кустов — его сажал еще *Grand-Père* в молодости, сразу после свадьбы. Почерневший и кривой от старости, он уже затвердел к зиме, но Елена знала, что глубоко в венах все еще текла жизнь. Она закрыла глаза и стала внутренне вглядываться в источник жизни внутри куста и внутри себя самой.

Магия не сразу ей ответила, но, вдохнув пару раз, она нащупала пульс лозы, примешивая под корой свою энергию к ее. Лоза была измучена, но дело было не в том, что за ней плохо ухаживали, а... в чем-то другом. Елена склонилась еще ближе к ней, едва дыша. Все чувства обострились на входе в мир теней. Внутренним зрением она проследила черную нить энергии, идущую от корня к верху куста. Среди листьев переплетались сглазы и заговоры, но даже они не объясняли страшную скорбь, поселившуюся в корнях. Это было глубочайшее отчаяние, и плач лозы эхом отразился в ней. Но куст не дал Елене понять его боль, отстранился, и ей пришлось отпустить, разединиться.

Она еще не успела отойти от этого страшного ощущения, когда *Grand-Mère* вышла из дома с теплой шалью в руках.

— Всегда мечтала иметь теневое зрение. Невероятный дар. «И опасный», — мысленно ответила Елена: слишком све-

жо было воспоминание о нападении. Ей все казалось, что возвращение домой стало такой же засадой.

Grand-Mère передала ей шаль и стала читать воздух, потирая пальцами.

— Какое-то проклятие, да? Я прямо электрический заряд чувствую каждый раз, когда выхожу. Я пыталась снять пару сглазов, но, по-моему, ничего не вышло.

— Там не просто проклятие. — Елена закуталась в шаль. — Целая сеть заговоров. Но боюсь, что обычные заклинания тут не помогут. Черная аура идет прямо через куст и будет отбивать все контрзаклятия.

— Потрясающе. Бастьен предупреждал, что, если не продам виноградник, будут последствия.

— Именно поэтому мы и поссорились, — сказала Елена, осматривая поле в поисках других заклятий. — Он хотел, чтобы я всерьез навредила соседям. Не обычное хулиганство, как все делают, а настоящую магию, с настоящим ущербом. Проклятия. У него были грандиозные планы — вымотать других виноделов, чтобы потом скупить их землю. Я отказалась. Сказала, что всем расскажу. Но, видимо, он нашел других исполнителей.

— Вот, значит, как. — *Grand-Mère* уставилась на танец снежинок, осознавая услышанное. — Хочу тебя предупредить, он сильно поднялся, пока тебя не было. Видимо, план все-таки удался. У него сейчас самый большой участок в долине. Даже нанял бирхэксе*, чтобы приглядывала. Заклятия — это точно ее работа.

— Бирхэксе из Альп на винограднике? Не знала, что они интересуются нашей работой. Это объясняет все эти сложные заговоры, да... Но не только в них дело. С виноградом что-то

* Bierhexe — ведьма пива (нем.).

не так. Не могу понять что. Какая-то печаль. Но точно не проклятие и не болезнь.

Она погладила свежесрезанную лозу, не находя ответов.

— Елена, твое место здесь, — взяла ее за плечо *Grand-Mère*. — Здесь твоя плоть и кровь. Даже если я тут больше не распоряжаюсь.

При мысли о том, что виноградник потерян, глаза у Елены снова наполнились слезами.

— Да я бы лучше торговала из тележки любовными зельями или гадала бы проезжим по руке десять часов кряду каждый день, чем продать Шато-Ренар какому-то... торгашу из большого города!

— Мне было очень больно его продавать. — *Grand-Mère* смотрела, как свежий снег покрывает почерневшие кусты. — Но не думаешь же ты, что я отдала дело всей своей жизни первому встречному? Я предсказывала, каким будет урожай, и обеспечивала успех вину, когда тебя еще на свете не было. И кстати, читала намерения мужчин тоже. Точно тебе говорю, он это делает не ради денег. Да, Жан-Поль смертный, да, он не верит в колдовство, но парень он хороший. Он хочет делать вино, достойное Шато-Ренар. По-моему, ты его сильно задела, когда заявила, что он паразитирует на моей репутации. — Она потерла пальцами, как будто снова прощупывая его мысли. — Возможно, за это придется извиниться — гордости ему не занимать, — но вообще-то он не против, чтобы ты осталась в качестве моей гостыи, пока не встанешь на ноги.

— Да, а что он скажет, когда узнает, кто я такая? Он уверен, что ему не нужны ведьмы. Он дилетант, считает, что плохое вино можно исправить наукой, наукой!

— Это правда, он думает, что ему не повезло с почвой и погодой.

— Было бы замечательно, — фыркнула Елена.

— Ну да ладно. — *Grand-Mère* приобняла ее за плечи. — Не он первый из мужчин, кому придется радикально изменить взгляды, не он последний. А пока идем, я тебе кое-что покажу. Может, это поднимет тебе настроение.

К винному погребу повела дорожка из их следов на свежем снегу. Елена стряхнула снег с ботинок, пока *Grand-Mère* открывала дверь в погреб ключом на длинной цепочке. Войдя, она сняла с полки керосиновую лампу, зажгла огонек, потерев пальцами, и, посетовав, что это, пожалуй, единственная магия, на которую она еще способна, дотронулась до фитилька. Лампа осветила погреб мягким светом.

— Заходи.

Чем ниже они спускались, тем сильнее пахло мокрой землей, жженым дубом и — еле уловимо — сладкой ванилью. Смешиваясь с воспоминаниями, запахи наполняли легкие и душу Елены, разливая приятное спокойствие. Еще до всех своих неудач и проклятий она готова была поклясться любому, кто стал бы слушать, что запах винного погреба сам по себе целителен. Она глубоко вдохнула, впитывая его силу.

Они вошли в главное помещение, и звук их шагов по каменному полу эхом отразился от стен. Им открылась комната с низким арочным потолком, выдолбленная в желтом камне пять сотен лет назад. По центру с потолка свисала на цепи железная лампа, а на некоторых из сорока бочек стояли пустые бутылки с белыми свечками внутри. Это место не трогало время. Елене стало хорошо и спокойно — а ведь она ничего этого не ценила, когда была здесь в последний раз.

Grand-Mère подула на кончики пальцев, зажигая лампу, и поманила Елену за собой.

— Тебе, наверно, не терпится открыть бочки, но мы не за этим пришли.

В последние века к старому погребу добавили еще три по-

мещения. В самом большом были выставлены лучшие вина, как самые драгоценные книги в библиотеке. Там же богатые клиенты дегустировали последнее пино нуар. В другом хранились палки для перемешивания осадка, пара ливеров, чтобы брать пробу из бочек, а еще запасные грабли, метлы и корзины. Но в самом углу пряталась за бочками третья, совсем маленькая комнатка за тяжелой дубовой дверью. Но Елена не решалась надеяться.

— Жан-Поль все пытался выпросить, что там, но я сказала, что давно потеряла ключ. Он думает, это еще одна кладовка со старыми вантузами и дырявыми бочками. Давай, — кивнула *Grand-Mère* Елене, — попробуй.

По телу прошла дрожь. Предвкушение наполнило ее. Она положила руку на замок и прошептала свое тайное слово:

— Винария.

Ничего.

Проклятие все никак не отпускало ее силу до конца.

— Попробуй еще.

Она кивнула и, глубоко вдохнув воздух погребца и сконцентрировавшись на ощущениях в ладони, приказала снова:

— Винария.

К ее облегчению, замок шелкнул, и дверь распахнулась.

Здесь ничего не изменилось.

На полках в стене — все те же банки, бутылки, сухие травы. На столе размером с полкомнаты все так же стояли ее весы для капелек и шепоток и горелка со стеклянным стаканом, чтобы обращать зелья и порошки в их истинную форму. Гранитная ступка поддерживала полдюжины книг заклинаний с золотым тиснением на корешках. Пестик затянула тонкая паутинка и налет пыли. В глазах у нее все дробилось, покрытое туманом слез.

— Я была уверена, что ничего не осталось.

Grand-Mère подняла лампу повыше, освещая верхние полки.

— Я пару раз брала немного из некоторых банок, но все остальное нетронутое.

Елена открыла банку с розмарином и понюхала. Не такой сильный, конечно, но пользоваться можно. Крылья стрекоз все так же блестели в бутылке, и панцири жуков тоже, и кусочки слюды. Пчелиный воск затвердел и стал ломким, но в ее руках сразу поддался и смягчился. На самом деле почти со всем можно было работать. Продажа плантации — это, конечно, кошмар какой-то, но если этого Жан-Поля убедить, что она здесь нужна, то, может быть, и ее личные планы удастся осуществить.

— Все еще можно исправить. — Она искренне поверила в это, увидев, что все на своих местах. — Может, если повезет, даже до сбора урожая!

— А при чем здесь везение? — улыбнулась *Grand-Mère*, аккуратно ставя лампу на стол. — Я тебя оставляю. Поздоровайся тут со всем. А потом приходи домой. Я подготовлю тебе гостевую комнату.

Но она не вернулась домой. Несколько часов она наводила порядок в оставленных семь лет назад зельях, мазях и измельченных травах. Листала книги, вытирала пыль, разбирала одежду в сундуке. А когда навалился сон, завернулась в теплое шерстяное одеяло и улеглась на каменный пол, не выпуская из виду бочек. Привычным движением, которому она научилась еще в детстве, когда только начала экспериментировать с тeneвым зрением, она прижалась одним ухом к полу и закрыла глаза. Очень скоро погреб наполнили шаги монахов, которые когда-то первыми здесь работали. От стен отражались их песнопения на древнем мертвом языке.

Она вдыхала смесь ароматов дерева и вина, и впервые за

последнее время ей было спокойно. Оставаться в Шато-Ренар под новым руководством опасно — это стало ясно, как только она увидела этого мужика, вытирающего ноги о коврик. Но здесь ее дом. Без виноградника ей ни за что не вернуть себе силу. И не отомстить. А только жизнь за жизнь принесет ей успокоение. Она пока так и не поняла, за что Всезнающая посылает эти испытания, но ей заплатят за украденные годы. И если для этого придется дать несколько неприятных обещаний — значит, придется.